

УДК 81'373.45

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале произведений Б. Акунина и В. Пелевина)**

С.С. Изюмская

Аннотация

В статье затрагивается одна из актуальных проблем современной лингвистики – проблема функционирования иноязычных слов в пространстве художественного текста. В центре внимания автора статьи находятся вопросы, связанные с определением коммуникативно-функционального и структурного статуса иноязычных вкраплений в текстах Б. Акунина и В. Пелевина. Показано, что иноязычные вкрапления на страницах современного художественного текста обладают высоким функциональным статусом, нередко участвуют в реализации различных интерпретативных ходов.

Ключевые слова: художественный текст, иноязычные вкрапления, коммуникативная компетенция, полные вкрапления, частичные вкрапления, коммуникативная стратегия, контаминированные вкрапления.

В настоящей статье объектом исследования является функциональный статус иноязычных вкраплений англо-американского происхождения в художественных текстах Б. Акунина и В. Пелевина. По рейтингу, составленному с учётом темпов продаж книг в России, данные авторы входят в десятку самых популярных среди молодежи, наиболее читаемых отечественных авторов. Тем не менее у ведущих критиков их творчество получает неоднозначные оценки. Так, Б. Акунина некоторые критики называют «олигархом образца 90-х» [1, с. 156], демонстрирующим «абсолютное владение тем или иным типом дискурса (символически закрепляя его за собой) – и одновременно актуализировавшим его гальванизирующими инъекциями жанра (политический детектив, декадентский детектив, комический детектив и проч.)» [1, с. 281]. В. Пелевин, по мнению критиков, «настоящий жрец», «социальный полиглот, одинаково свободно могущий загрузить и развести кого угодно, используя как социально престижные, так и откровенно маргинальные дискурсивные практики» [1, с. 159].

Как известно, в начале XXI века в современной лингвистической литературе наблюдается своеобразный бум в изучении художественного текста. Текст рассматривается во многих работах ведущих лингвистов (Н.Д. Арутюнова [2], И.Р. Гальперин [3], Е.И. Диброва [4] и др.). Наличие в лингвистике свыше 250 определений понятия *текст* свидетельствует о том, что вопрос о сущности данного понятия является одним из сложнейших в круге проблем, связанных с этой единицей [5, с. 10]. Между тем наименее разработанной следует признать

проблему соотношения понятий *художественный текст* и *иноязычные вкрапления*. В письменной форме данного сложного, многомерного языкового пространства, где воплощается «психология авторского Я (его потребности, мотивы, целеустановки, намерения, способности), реализуется в литературной форме замысел-идея задуманного и, наконец, уникальное явление человеческого сознания – язык» [4, с. 92], необходимо, на наш взгляд, определить функциональный потенциал иноязычных вкраплений.

В современном художественном тексте можно обнаружить иноязычные вкрапления разных типов преимущественно англо-американского происхождения, что является результатом действия определённых экстралингвистических и интралингвистических факторов. Особого внимания при этом заслуживают участники общения, их коммуникативная компетенция, которая, как известно, складывается из знания мира, норм поведения, языка, соблюдения правил общения [6, с. 294].

Определение коммуникативно-функционального и структурного статуса иноязычных вкраплений в современном художественном тексте является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Для начала обратимся к их классификации. Иноязычные вкрапления можно классифицировать по различным критериям:

- 1) по соотношению их с системами контактирующих языков;
- 2) по степени связанности с национально-культурным своеобразием содержания сообщения;
- 3) по способам введения в русский художественный текст [7].

По первому критерию (по соотношению их с системами контактирующих языков) иноязычные вкрапления подразделяются на три разряда – полные, частичные и контаминированные.

Чрезвычайно употребительны в художественных текстах полные вкрапления (отрезки текста на английском языке, включённые без изменений в русский художественный текст). При этом, как правило, авторы произведений дают сноски с русским переводом. Например: *В этот момент тихий и насмешливый голос произнес где-то рядом: – This game has no name. It will never be the same. [У этой игры нет названия. Она никогда не будет той же (англ.)]* (ГП, с. 22); – *Елки-молалки, живой бритии. Только котелка с зонтиком не хватает. В Бескудниках! What are you doing here, dear sir? [Что вы здесь делаете, дорогой сэр? (англ.)]... – Это ещё что! – понизил он голос. – После паспортного контроля и таможни мы с вами запрём дверь на замок и цепочку, потому что... пошаливают. – Мистер Калинин произнёс это слово по-русски (получилось: because they there... poshalivayut)* (АТ, с. 79).

Полные вкрапления (ПВ) могут различаться по структуре. Среди них выделяются следующие разряды: простые ПВ и сложные ПВ. Простые ПВ представляют собой простые двусоставные или односоставные предложения различные по цели высказывания: повествовательное, вопросительное, побудительное. Иноязычные вкрапления данного вида могут находиться в препозиции или в постпозиции к русскому тексту, реализовываться в форме диалога. Например:

– *How are you?* (*Как вы?)¹ – спросила она, старательно выговаривая слова. – *I'm Natasha. And what is your name?* (*Я Наташа. А как ваше имя?) (ЖН, с. 26); Камера сдвигается ещё ниже, и виден слоган, выведенный тем же маркером: *Just do it* [Просто делай это (англ.)] (ГП, с. 53); – *I want to be forever young*, – в который раз пропел по радио *Alfaville* [Я хочу быть вечно молодым (англ.)]. <...> – *Lisa?* – спросил он. Это был мой сегодняшний псевдоним. – *That's right*, – радостно ответила я. А что делать (СКО, с. 6–7).

Сложные ПВ представляют собой два и более предложения, сложное синтаксическое целое (ССЦ), в котором предложения могут быть также различными по цели высказывания. Например:

*I'm sentimental if you know what I mean;
I love the country but I can't stand the scene.
And I am neither left or right.
I'm just staying home tonight,
Getting lost in that hopeless little screen.*

Leonard Cohen

Я сентиментален, если вы понимаете, что я имею в виду,
Я люблю страну, но не переношу то, что в ней происходит.
И я не левый и не правый.
Просто я сижу сегодня дома,
Пропадая в этом безнадежном экранчике (англ.)

Леонард Коэн (ГП, с. 1).

Довольно часто в пространстве художественного текста В. Пелевина и Б. Акунина встречаются частичные вкрапления (слова, словосочетания, предложения и более крупные отрезки иностранного текста, в той или другой мере ассимилированные фонетически или морфологически или включённые в синтаксические отношения в составе русского предложения).

Среди частичных вкраплений (ЧВ) различают простые и фонетические. Простые ЧВ могут представлять собой слово или словосочетание, включённые в синтаксические отношения в составе русской конструкции. Например: *Пощёлкал пальцами и перевёл этот специфический глагол как "hold up"* [грабить (англ.)]. – *Настоящие бандиты. Врываются в купе и отбирают деньги* (АТ, с. 9); *Сама почтмейстерша этот праздник во славу современного искусства предпочла назвать звучным словом soiree* (*званный вечер), пусть уж он так и остаётся, тем более что «суаре» этот в Заволжске забудут не скоро (ПБ, с. 58); *Кислотные журналы посвящали бы пронзительные cover stories* (*статья, иллюстрация к которой дана на обложке журнала) эстетике пластикового пакета (ГП, с. 29); *Работа была free lance* – Татарский переводил это выражение как «свободный копейщик», имея в виду прежде всего свою оплату (ГП, с. 11); *Там было много шикарных выражений вроде line extention* (*расширение ассортимента), которые можно было вставлять в концепции и базары (ГП, с. 12); *Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие... как это... cultural references...* (*культурные отсылки) Короче, рекламу надо будет срочно адаптировать для русского потребителя (ГП, с. 12).

¹ Здесь и далее звёздочкой обозначен наш перевод.

В указанных примерах обороты *шикарные выражения вроде, как это*, находящиеся в препозиции к простым частичным вкраплениям, подготавливают пространство художественного текста для ввода иноязычных вкраплений, пейоративно настраивают читателя на восприятие иностранных слов, обладают ярко выраженным дистанцирующим эффектом. При этом довольно часто в препозиции используется дистанцирующий оборот *называют + вкрапление, так называемый + вкрапление*. Например: *Мы с матерью занимали небольшую двухкомнатную квартирку вроде тех, что в закатных странах называют “one bedroom” (*одна спальня) (ЕВ, с. 4); В автоматике такое принудительное управление называется “override” (*принудительный перевод системы в ручной режим) (ЕВ, с. 35); – Вообще-то во все эпохи действует один и тот же простой принцип, – сказал я, – который называется “industrial exemption” (*освобождение от производства) (ЕВ, с. 79); ...Все предметы и свойства соотносятся через фикцию этого центра, называемую **identity** (*личность, индивидуальность). **Identity** – это субъект второго рода на такой стадии развития, когда он способен существовать самостоятельно... **Identity** – это фальшивое эго, и этим всё сказано (ГП, с. 47); Немного обидно было узнать, как именно ребята из рекламных агентств... представляют себе свою аудиторию, так называемую **target group** (*целевая группа) (ГП, с. 2); Они бывают двух видов – полигональные и так называемый **nurbs patch** (*трехмерная модель, состоящая из набора так называемых лоскутов (patches), созданная при помощи технологии NURBS). Полигональные – из треугольничков, а «нурбс» – из кривых, это продвинутая технология... (ГП, с. 90); Причиной было то, что Кудрявцев, услышав в Америке про мультикультурализм, активно занялся поисками так называемой **identity** (*идентичность) и в результате лично обогатил русский язык термином “бандир”, совместившим значения слов “банкир” и “бандит” (ГВ, с. 2); На ногах у них были чёрные кроссовки «Найки» с белым символом, так называемым **swoosh** (*росчерк в логотипе компании Nike) (ГП, с. 53).*

Частичные вкрапления в канве художественного текста нередко употребляются с разъяснительным комментированием, которое включает русский перевод. При этом иноязычные вкрапления находятся в препозиции к русскому переводу. Например: – *Ночной кошмар по-английски “night mare”, “ночная кобыла” (ЕВ, с. 17); – Не совсем. Макдональдс – это **fast-food chain**, «цепь быстрого питания». А **food chain**, или просто «цепь питания» – это растения и животные, связанные друг с другом отношениями «пища – потребитель пищи» (ЕВ, с. 19).*

Особой выразительностью обладает оборот *по-русски так не скажешь*, помещённый в постпозицию относительно иноязычных вкраплений английского происхождения. Например: *В кромешином мраке, в стране **of no return** (по-русски так не скажешь), вдруг зажигался огонёк, источавший слабые, манящие лучи [откуда не вернёшься (англ.)] (АТ, с. 7).* Указанный оборот, обладающий сопоставительной семантикой, имеет юмористическую тональность, которая служит сокращению коммуникативной дистанции.

Довольно часто ЧВ включаются в ряды однородных членов предложения. Например: *Названия лонг-дринков складывались в остросюжетную повесть: **Tekila Sunrise, Blue Lagoon, Sex on the Beach, Screwdriver, Bloody Mary, Malibu Sunset, Zombie** [Текильный рассвет, Голубая лагуна, Секс на пляже,*

Отвёртка, Кровавая Мэри, Закат в Малибу, Зомби]. Готовая заявка на фильм (СКО, с. 7).

В пространстве современного текста фонетические ЧВ нередко служат реализации авторских интенций, иллюкутивных составляющих *ирония, сарказм, юмор*. Так, коммуникативная стратегия может проявляться в форме вставной конструкции, реализующей иллюкутивную составляющую *ирония*, как правило, такая конструкция помещается в постпозицию к фонетическому ЧВ. При этом иноязычный элемент мобилизует внимание читателя, «запускает» процессы воображения. Например: *На следующий день Морковин отвёл Татарского в довольно странное место. Оно называлось “Драфт Подиум” (после нескольких минут напряжённой умственной работы Татарский оставил попытки понять, что это означает)* (ГП, с. 7). Фонетические ЧВ довольно часто встречаются в текстах современных авторов в диалогах. Например: – *А чего это за фирма?* – спросил он. – *Ноу нэйм*, – сказала девушка (ГП, с. 38); ...*И тут какой-то молодой человек... спросил: – Эй, герлы, гринов не пихаете? Люся брезгливо поглядела... – Доллары. И мы не герлы никакие, а девушки. Скажи своему командиру, что ваши словари уже десять лет говно* (М, с. 4); *Это из песни этих пед-жоп-бойз, которую они из нашего гимна сделали, да?* (ГП, с. 36); *Представляешь, Сэм, – тихо заговорила Наташа, – я ведь, как дура, перед зеркалом тренировалась. Плиз чиз энд пепперони. Думала, уеду с тобой* (ГП, с. 83).

Особой выразительностью отличаются контаминированные иноязычные вкрапления (явления ломаной русской речи иностранца, представляющие собой русские слова, словосочетания, предложения или более крупные отрезки русского текста, употреблённые по законам другого языка или с нарушением законов русского языка). В современном художественном тексте вкрапления данного типа обладают высокой частотностью. Например: – *Тен бакс. Онли тен бакс! До нект стейшн. Незнакомец показал на поезд, а потом куда-то в сторону. – Тен бакс!»* (АТ, с. 12); *Паспорт давай... Паспорт, андерстэнд?* – *И снова солдату. – С него не паспорт, а справку из дурдома брать* (АТ, с. 10); – *Наглец щелкнул себя по горлу и спокойно улыбнулся, кажется, совершенно уверенный в своей безнаказанности. – Выдите-ка, гражданин. К станции подъезжаем. Гоу, гоу, шнель!* (АТ, с. 21).

Коммуникативная выразительность подобных употреблений связана с мерой субъективной выразительности смысла. Неточное выражение смысла в тексте является, на наш взгляд, намеренным – оно реализует установку коммуниканта перевести общение на уровень имплицатур, намёков. Думается, что здесь имеют место следующие интерпретативные ходы: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьёзного разговора; 2) стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме обсуждаемые вопросы. Появление иноязычных элементов в канве текста усиливает, на наш взгляд, выразительность коммуникативных намерений участников общения. Например: ...*Термин “Uncola” (то есть не-кола) крайне успешно позиционирует “Спрайт” против “Пепси-колы” и “Кока-колы”, создавая особую нишу для этого продукта в сознании западного потребителя. <...> В переводе на русский “Uncola” будет “Некола”. По своему звучанию (похоже на имя “Никола”)... отлично вписывается в эстетику вероятного будущего. Возможные варианты слоганов:*

Спрайт. Не-кола для Никола (ГП, с. 12); (Имеет смысл подумать о введении в сознание потребителя “Никола Спрайтова” – персонажа наподобие Рональда Макдональда, только глубоко национального по духу.) Пусть нету ни кола и ни двора. *Спрайт. Не-кола* для Никола (ГП, с. 13); Полчаса предельного напряжения всех духовных сил привели только к рождению слогана-дегенерата: Пар костей не ламент. Когда «**Парламент**» кончился, Татарский захотел курить (ГП, с. 14).

В современных художественных текстах преобладают полные вкрапления, что может быть следствием ориентации современных русских авторов на западноевропейские литературные образцы. При этом наблюдаются различные способы ввода иноязычных вкраплений в художественные тексты.

1. Помещение вкрапления в скобках после русского эквивалента. Например: В проекте используется широко известная русскому потребителю из средств массовой информации Американская Культурная Параллель (**American Cultural Reference**)... (ГП, с. 53).

2. Использование полных иноязычных вкраплений в качестве эпиграфов к художественным текстам и к отдельным их главам. Например:

*One day the Northern wind met
The wind from the South.
And the wind from the South asked:
“What makes you so icy?”
And the Northern wind said:
“Icy? Wind, I am just trying to be cool.
John Cheever, “Eskimo tales”*

(*Однажды Северный ветер встретил ветер с Юга. И ветер с Юга спросил: «Отчего ты такой холодный?» И Северный ветер ответил: «Холодный? Ветер, я просто пытаюсь быть классным» Джон Чивер, «Эскимосские сказки») (НТ);

*There ain't no truth on Earth, man,
There ain't none higher neither.
Hangerson's Blues.*

(ГВ, с. 1)

«Перевод эпиграфа: “Нет правды на земле, но нет её и выше” Тютчев» (ГВ, с. 6).

3. Включение в тексты без перевода иноязычных названий газет, фильмов, журналов, книг, адресов и др. Например: *Технология “Motion capture”* (*«захват движения»¹). <...> *Это новая система, “Star Trak”* (*«Звёздный путь»). *Самая сейчас крутая на рынке* (ГП, с. 91); «...Смотрел *“Starship troopers”*? [«Звёздный десант» (англ.)] (ГП, с. 87).

4. Использование иноязычных вкраплений, относящихся к редупликации. Как известно, редупликация – это окказиональная разновидность сложения, заключающаяся в повторе компонентов. Редупликация окказиональна на том основании, что сам по себе повтор является дополнительным условием существования сложения, необязательным [8, с. 20]. Например: *А вот как стучат колеса в разных странах мира: В Америке – «джинджерэл-джинджерэл»* (ЖС, с. 14); *И вот, проводя параллель между жизнью этих людей и действиями*

¹ Технология анимации в «живой» компьютерной графике.

«трамвайного сумасшедшего», который взад-вперёд бежит по коридору вагона и кричит: «додеска-дэн! додеска-дэн!» (ЖС, с. 16).

Таким образом, на страницах современного художественного текста встречается большое количество иноязычных вкраплений, обладающих коммуникативной выразительностью. В пространстве художественного текста они реализуют различные интерпретативные ходы (стремление сократить дистанцию, усилить выразительность коммуникативных намерений участников общения и др.).

Иноязычные вкрапления обладают высоким функциональным статусом, реализуют различные функции (информативная, экспрессивная, комическая). В современном художественном тексте преобладает экспрессивная функция, в реализации которой участвуют иноязычные вкрапления различных разрядов (полные вкрапления, частичные вкрапления, контаминированные). Способы ввода иноязычных вкраплений отличаются большим многообразием (включение в ряды однородных членов предложения, редупликация, графические средства, эпиграф и др.). Причиной их привлечения являются определённые экстралингвистические и интралингвистические факторы. Исследование статуса данного языкового явления в художественном тексте конца XX – начала XXI века, отражая дух времени, затрагивает актуальные проблемы современной лингвистики.

Summary

S.S. Izyumskaya. Foreign Inclusions in a Modern Literary Text (Based on the Works of B. Akunin and V. Pelevin).

This article deals with one of the urgent problems in modern linguistics, i.e. the functioning of foreign words in the space of a literary text. Attention is focused on the issues associated with defining communicative-and-functional and structural status of foreign inclusions in the works of B. Akunin and V. Pelevin. It is shown that foreign inclusions in a modern literary text possess a high functional status and often take part in the realization of various interpretative techniques.

Key words: literary text, foreign inclusions, communicative competence, full inclusions, partial inclusions, communicative strategy, contaminated inclusions.

Источники

- ГП – Пелевин В. Generation «П» // Пелевин В. Generation «П»: Роман; Рассказы. – М.: Вагриус, 1999. – С. 1–132.
- АТ – Акунин Б. Алтын-толобас. – М.: Олма, 2006. – 383 с.
- ЖН – Пелевин В. Жизнь насекомых // Пелевин В. Жизнь насекомых: Романы. – М.: Вагриус, 1997. – С. 1–85.
- СКО – Пелевин В. Священная книга оборотня. – М.: Эксмо, 2004. – 384 с.
- ПБ – Акунин Б. Пелагея и белый бульдог. – М.: АСТ; Астрель, 2000. – 288 с.
- ЕВ – Пелевин В. Empire V. – М.: Эксмо, 2006. – 408 с.
- ГВ – Пелевин В. Греческий вариант // Пелевин В. Все рассказы. – М.: Эксмо, 2003. – С. 1–6.
- М – Пелевин В. Миттельшпиль // Пелевин В. Омон Ра: Сб. – М.: Вагриус, 2003. – С. 1–15.
- НТ – Пелевин В. Нижняя тундра. – URL: http://pelevin.nov.ru/momentomori_rass/pe-tundr/1.html, свободный.

ЖС – Пелевин В. Жёлтая стрела // Пелевин В. Жёлтая стрела: Повести и рассказы. – М.: Вагриус, 1998. – С. 1–25.

Литература

1. *Данилкин Л.* Парфянская стрела: Контратака на русскую литературу 2005 года. – СПб.: Амфора, 2006. – 302 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. *Диброва Е.И.* Пространство текста в композитивном членении // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конф. – М.: МОПУ, 1999. – С. 91–138.
5. *Малычева Н.В.* Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. – Ростов н/Д: АПСН, 2003. – 179 с.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 390 с.
7. *Правда Ю.Т.* Иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИ, 1983. – 32 с.
8. *Изотов В.П.* Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Орел, 1998. – 36 с.

Поступила в редакцию
20.01.11

Изюмская Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: svetlanadriga@yandex.ru